

Православное обозрение

1882. Том 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П68

П68 Православное обозрение: 1882. Том 3 / – М.: Книга по Требованию, 2021. –
887 с.

ISBN 978-5-458-03068-7

ISBN 978-5-458-03068-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стость есть непосредственный источникъ христіанской жизни во-
 обще. Христіанство не доктрина, не отвлеченная теорія нрав-
 ственности, не пустой демагъ, а живая сила во Христѣ, кото-
 рая одна только можетъ возрождать и воссозидать жизнь чело-
 вѣчества. Иисусъ Христосъ не говоритъ: „Мое ученіе содержитъ
 жизнь, есть путь ведущій во спасенію и дающій жизнь“, а го-
 воритъ прямо: „Я есмь путь, истина и жизнь“. Если мы обра-
 тимся къ примѣру жизни первыхъ христіанъ и посмотримъ, что
 имъ сообщало такую возрождающую силу, противъ которой весь
 міръ съ его гоненіями не могъ упорно противодействовать, не
 ослепи на то, что носителями этой силы были люди темные, вы-
 шедшіе изъ язычскъ словъ народа, неосвященные въ ученую
 мудрость, какъ говоритъ апостолъ Павелъ,—то мы увидимъ, что
 это была исключительно личная, вѣрующая преданность Христу,
 къ которому они все возносятъ и изъ котораго все черпаютъ.
 Всѣ посланія апостоловъ пронизаны этою мыслію, этимъ убѣж-
 деніемъ, этою вѣрою (ср. напр. Іак. V, 7; 1 Петр. IV, 13; 2 Петр.
 I, 2—4; Іоан. I, 3—4; 1 Іоан. II, 23; IV, 15; II, 27; III, 6; Фи-
 лип. I, 21; III, 8; Гал. II, 20; Колос. III, 3 и др.). Такимъ обра-
 зомъ сущность христіанства, которое есть отроченіе жизни и
 лица Спасителя въ мірѣ и нигдѣ такъ ярко не отражается какъ
 въ характерѣ Иисуса Христа, въ Его дѣлахъ и въ Его божествен-
 номъ ученіи,—совершенно неотдѣлима отъ личности Иисуса Хри-
 ста. Для полнаго пониманія великихъ христіанскихъ истинъ,
 какъ догматическихъ, такъ и нравственныхъ нѣтъ лучшаго сред-
 ства, какъ изучать ту личность, которая основала это ученіе.
 Изученіе божественной личности Спасителя ведетъ къ тому, что
 свѣтъ отъ нея больше и обильнѣе падаетъ на Его ученіе,—и
 этимъ путемъ мы лучше поймемъ то громадное значеніе, кото-
 рымъ міръ обязанъ личности Спасителя, да и самое ученіе Его
 будетъ понятнѣе для насъ. Правда, для исторіи научнаго или
 художественнаго развитія не имѣютъ существенно важнаго зна-
 ченія свѣдѣнія о жизни и характерѣ автора того или другаго
 творенія. Если бы мы ничего не знали о томъ, что въ члвкѣ
 предковъ Пушкина былъ арабъ, или что Гоголь принадлежалъ
 къ малороссійскимъ мелкопомѣстнымъ дворянамъ и жилъ въ по-
 слѣднее время въ Італіи, то достоинство ихъ произведеній отъ
 этого нисколько бы не уменьшилось. Разныя образцы біогра-

оническія свидѣнія ни уменьшаютъ, ни увеличиваютъ научнаго значенія ученыхъ работъ Ньютона или Кеплера. Иное дѣло область религіи и нравственности. Здѣсь жизнь, характеръ, побужденія тѣхъ или другихъ общественныхъ дѣятелей имѣютъ весьма важное значеніе при оцѣнкѣ ихъ ученія. Относительно лица, выдающаго свое ученіе за сверхъестественное откровеніе или подтверждающаго свое ученіе сверхъестественными дѣйствіями, въ высшей степени важно знать, не могло-ли это лицо, по своему нравственному характеру, позволить себѣ намеренный обманъ, или не могло ли оно по складу своего умственнаго направленія впасть въ самообольщеніе и т. п. Но какъ ни велико вообще значеніе историческихъ дѣятелей въ религіозной области, основателей тѣхъ или другихъ религіозныхъ культовъ, проповѣдниковъ и преобразователей религіозныхъ ученій, значеніе это все же ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ всеобъемлющимъ значеніемъ, какое принадлежитъ личности Спасителя въ отношеніи къ основанной Имъ религіи. Самое глубокое и коренное различіе въ этомъ случаѣ состоитъ въ томъ, что Основатель христіанской религіи есть не только ея основатель, но вмѣстѣ и самый главный предметъ христіанскаго религіознаго богопочтенія. Такимъ образомъ Христосъ стоитъ со всѣмъ въ иномъ отношеніи къ основанной Имъ религіи, нежели въ какомъ находятся основатели всѣхъ другихъ религіозныхъ культовъ къ своимъ религіямъ. Тамъ личности основателей религій были выразителями религіозныхъ идей, нуждъ и потребностей своего времени, своего народа,—религіозными реформаторами, но отнюдь не творцами религій въ строгомъ смыслѣ этого слова. Они пользовались уваженіемъ отъ своихъ послѣдователей за ихъ ученіе, но ихъ личности не связаны такъ тѣсно и неразрывно съ самою идеею ихъ религій, какъ личность Иисуса Христа связана съ идеею и сущностью христіанства. Ни объ одной религіи нельзя сказать того, что можно и должно сказать о христіанствѣ: кановъ основатель этой религіи, такова и сама эта религія. Вотъ почему и въ настоящее время ни одинъ изъ религіозныхъ вопросовъ не оказываетъ такого значительнаго вліянія на умы и такъ сильно не затрогиваетъ религіозныя убѣжденія, какъ вопросъ о личности Основателя нашей вѣры. Личность Христа имѣетъ центральное значеніе въ исторіи христіанства. Все зданіе христіанства стоитъ

или надаетъ со своимъ Основателемъ. Личность Христа неразрывно связана съ сущностью основанной Имъ религіи, которая, если можно такъ выразиться, цѣлкомъ вылилась изъ глубины Его божественнаго духа, есть въ собственномъ смыслѣ Его твореніе и вся запечатлѣна характеромъ Его личности. Отсюда говорить о значеніи въ исторіи человечества христіанской религіи тоже что говорить о значеніи Христа и наоборотъ—говорить о значеніи Христа—значить говорить о значеніи христіанства вообще.

„Во время одного изъ своихъ путешествій Иисусъ Христосъ пребылъ два дня въ самарійскомъ городѣ, по имени Сихарь. Онъ бесѣдовалъ съ жителями, и вслѣдствіе Его двухдневной бесѣды жители города сказали: мы сами слышали и узнали, что Онъ есть истинно Спаситель міра“ (Іоан. IV, 42). Въ этомъ признаніи уже видится не миссія, ограничивающаяся только избавленіемъ народа Израильскаго, но видится дѣло касающееся всего міра и дѣло спасенія. Иисусъ говорилъ, что это дѣло спасенія есть дѣло Бога, котораго Онъ называлъ Своимъ Отцомъ; и тѣ, которые принимали Его слово и дѣлались Его учениками, исповѣдывали вѣру, которая можетъ быть выражена такъ: „Въ Иисусѣ, назаретскомъ плотникѣ, совершилось дѣло Божіе для спасенія міра“¹⁾. Впрочемъ, значеніе для рода человеческого вѣры во Христа, значеніе для него дѣла искупленія, совершеннаго Иисусомъ Христомъ, — вопросъ, касающійся только каждой отдѣльной личности вне всякаго ограниченія и мѣста и времени, и притомъ вопросъ чисто догматическій; хотя конечно онъ можетъ быть разсматриваемъ съ психологической, какъ и съ нѣической точки зрѣнія. Но мы его не будемъ касаться. Мы посмотримъ на значеніе Христа только съ исторической точки зрѣнія и притомъ лишь настолько, насколько служеніе Ісуса Христа имѣетъ значеніе по отношенію къ исторіи человечества.

Какое же значеніе должно приписать Христу въ исторіи человечества? „Самое значительное вліяніе, отразившееся на нашихъ законахъ, обычаяхъ, правахъ, идеяхъ, говоритъ Навилъ“²⁾,

¹⁾ Христосъ. Публичныя чтенія Эрнеста Навила. М. 1881. стр. 2.

²⁾ Христосъ, стр. 14.

есть прямое или косвенное вліяніе Евангелія. Хотите-ли удостовѣриться въ этомъ? Не обращайтесь къ апологетамъ христіанства, которые могутъ быть для насъ подозрительны, но обратитесь къ тѣмъ людямъ, которые при своихъ спеціальныхъ изслѣдованіяхъ нашли такую истину, которой не искали. Что касается законовъ, справьтесь съ сомнѣніями Монтескье или съ появившимся послѣдѣ сочиненіями Тролона (Troplog). Не только Шатобрианъ въ своемъ сочиненіи „Геній Христіанства“; но и Тѣпьеръ въ своихъ „Reflexions et menus propos d'un peintre genevois“ вмѣстѣ со многими другими скажутъ вамъ о вліяніи христіанства на искусство. Россия покажетъ вамъ тоже самое вліяніе въ политической экономіи. Я ограничиваюсь, говоритъ Навиль ¹⁾, этими мимолетными указаніями, которые легко было бы распространить и умножить. Въ мы воспитались подъ вліяніемъ христіанскихъ идей; отсюда происходятъ два рода иллюзій, имѣющихъ противоположный смыслъ. Часто намъ случается принимать за спеціально христіанскія элементы—свойства чисто человѣческія, составляющія результатъ естественнаго развитія сердца, разума и совѣсти. Точно также случается,—и это бываетъ, пожалуй, еще чаще,—принимать за естественные и человѣческіе элементы начала спеціально-христіанскія. Чтобы избавиться отъ этого двойнаго заблужденія, слѣдуетъ открыть исторію и прочесть рассказы путешественниковъ, посѣтившихъ народы совершенно чуждые вліянію Евангелія. Когда мы сдѣлаемъ это, то поймемъ, что подъ вопросами политическими, социальными, экономическими, лежатъ другой вопросъ, болѣе глубокой и содержащій въ себѣ какъ въ зародышѣ рѣшеніе другихъ, именно вопросъ: что должно думать о Христѣ? Тогда мы увидимъ пропасть, которая разверзлась бы, если бы было разрушено всякое христіанское вліяніе; тогда мы увидимъ ясно, что уничтожить Евангеліе и отблескъ Евангелія, который доходитъ и до людей, не получающихъ прямого свѣта его, даже до тѣхъ, которые презираютъ и ненавидятъ этотъ свѣтъ,—это значило-бы не вырвать только одинъ камень изъ великаго адамія современной цивилизаціи; это значило бы исторгнуть краеугольный камень его и про-

¹⁾ Христосъ, стр. 16.

известіи полное потрясеніе и разрушеніе цѣлаго зданія. Такъ въ общихъ чертахъ Навиль характеризуетъ то вліяніе, которое несомнѣнно принадлежитъ Христу по отношенію ко всему роду человѣческому. Въ частности онъ разсматриваетъ значеніе Иисуса Христа какъ Учителя, Угѣшителя, Искушителя, Законодателя и Господа. И его разсужденія настолько основательны, что съ ними можете не согласиться только человѣкъ предубѣжденный. Изобразить личность Спасителя, указать то вліяніе, которое произвелъ Иисусъ Христосъ на человѣческую жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ,—задача въ высшей степени трудная и исполненіе ея настолько же удается нашимъ ученымъ, насколько, по преданію, Аванія не удавалось съ точностію изобразить лицъ Спасителя на полотнѣ. Тѣмъ не менѣ Навиль болѣе другихъ популяризаторовъ (разумѣемъ—Шазеа, Прессансе, Шиккоппа, Голларда, Фаррара и др.) сумѣлъ схватить тѣ характеристическія черты, которыя ясно указываютъ на размѣръ вліянія, произведеннаго Иисусомъ Христомъ въ жизни человѣчества вообще. Свою лекцію объ Иисусѣ Христѣ, какъ учителя, Навиль заканчиваетъ слѣдующими словами: „если бы выходя изъ этой залы, вы сказали встрѣтившемуся другу: насъ сей часъ поучали тому, что Иисусъ Христосъ изобрѣлъ машины, телеграфъ и желѣзную дорогу,—вы вызовете этимъ улыбку. Но если вы скажете: намъ доказали вліяніе ученія о Богѣ единомъ, всемогущемъ и премудромъ на движеніе мысли, которая произвела новѣйшую науку, а чрезъ науку индустрію,—улыбка эта, если бы и появилась, то была по моему мнѣнію улыбкою невѣжества или предвзвѣтой мысли“⁴⁾. И дѣйствительно нельзя не согласиться, что Иисусъ Христосъ произвелъ громадное вліяніе на движеніе научной мысли. Язычество и даже іудейство загромождали ходъ этой мысли, не давали свободы научному изслѣдованію, потому что языческая религія предвѣщала всѣ запросы разума. Во всѣхъ міровыхъ явленіяхъ боги были непосредственно дѣйствующею причиною, а потому всякая языческая наука непремѣнно должна была оканчиваться богословіемъ. Если вы не обратитесь къ исторіи, говорить Навиль⁵⁾, вы никогда не узнаете, сколько труда стоило

⁴⁾ Христосъ, стр. 44.

⁵⁾ Христосъ, стр. 38.

разуму опознать свою собственную природу... Когда былъ одинъ богъ, управляющій солнцемъ, другой—хорами звѣздъ, еще другой, правящій движеніями морей: наука была остановлена въ своемъ источникѣ. Колеблется ли почва Сициліи, это ворочается великанъ Эциладъ; начинается ли изверженіе Этны,—это великанъ Эциладъ дышитъ и извергаетъ изъ своего огромнаго рта дымъ и огонь. Конечно, геній науки не былъ чуждъ Пиеагору и живымъ блескомъ онъ сіяетъ въ трудахъ Аристотеля; но геній приноситъ тогда только всѣ свои плоды, когда встрѣчаетъ удобную для себя почву. Міръ греческій, преусущенный политеизмомъ, не предоставляетъ ему удобной почвы; не болѣе удобства предоставляетъ ему и новѣйшее язычество. Открываю, говоритъ Навиль, альманахъ китайскихъ праздниковъ за 1850 годъ и читаю: 5-й день 8-й луны (10 сентября) праздникъ Лона-Чинга, бога грома; вотъ вамъ и ученіе объ электричествѣ. 27-й день 10-й луны (30 ноября) праздникъ боговъ пяти священныхъ горъ. Вотъ и теорія поднятія материковъ. Одинъ современный путешественникъ посѣщаетъ вулканъ острова Гавай. Онъ замѣчаетъ, что его путеводители бросаютъ въ кратеръ различныя вещи, крича: „Алага-Пеле“, т.-е. кланяюсь тебѣ, Пеле. Пеле—это богиня подземныхъ огней. Вотъ приношенія, которыми устраняютъ изысканія нашихъ геологовъ. Такимъ образомъ, чтобы обратить къ наукѣ идолопоклонническіе народы, нужно низвергнуть ихъ идоловъ, и единственное дѣйствительное средство для низверженія идоловъ,—это сооруженіе на ихъ развалинахъ храма Создателю единому и владычественно мудрому. Основатели нашей науки, говоритъ Навиль, рассуждали такъ: „міръ гармониченъ, ибо есть только одинъ Богъ, законы міра просты, ибо Богъ совершенно мудръ“. Такъ рассуждали: Коперникъ, Кеплеръ, Ньютонъ, Галилей. Такъ рассуждали въ наши дни три физика, которые болѣе другихъ заслуживаютъ названія изобрѣтателей или основателей: Френель, Амперъ и Фарадей. Всѣ повторяли „вѣрую въ Бога, Отца всемогущаго“ и эта вѣра укрѣпляла ихъ разумніе. Наука наша поэтому есть христіанская въ своихъ основаніяхъ, не потому, чтобы было прямое отношеніе между догматомъ христіанскимъ и системами физики и астрономіи; но потому что монотеизмъ укрѣплялъ и направлялъ разумъ и именно черезъ евангельскую проповѣдь монотеизмъ утвердился въ мірѣ. Часто бы-

вали столкновенія между богословіемъ и наукою или лучше сказать между богословами и натуралистами; но между вѣрою въ Бога и наукою есть глубокая гармонія. Такъ понималъ это Галлей, который справедливо противопоставлялъ декретамъ заблуждающаго богословія, присуждавшаго его въ казни, доказательства своей вѣры въ Бога премудраго и всемогущаго. Теперь когда потокъ изысканій установился, ученые слѣдуютъ по нему не зная его происхожденія; они пьютъ воду рѣки, источника которой не знаютъ. Такимъ образомъ, нельзя не согласиться съ Навилемъ, что изученіе происхожденія новѣйшей науки дастъ намъ подтвержденіе отдаленное, но вѣрное истинности словъ Иисуса, сказанныхъ Имъ о самомъ Себѣ: „Я есмь свѣтъ міра“ (Іоан. VIII, 12).

Объ Иисусѣ Христѣ, какъ Господѣ и Законодателѣ, мы уже говорили; теперь скажемъ нѣсколько словъ о томъ значеніи, которое принадлежитъ Иисусу Христу какъ утѣшителю человечества. Противники Евангелія утверждаютъ, что въ язычествѣ все было мирно и ясно, что древность была радостною и свѣтлою въ служеніи своимъ богамъ, что только іудеи и христіане внесли въ міръ печаль, рисуя жизнь мрачными красками и замѣняя граціозныя изображенія Аполлона и Венеры страшнымъ образомъ Креста. Стоитъ-ли разоблачать ложь этого разсужденія? Въ до-христіанское время напротивъ существовалъ самый мрачный взглядъ на жизнь, на міръ, который считали болѣе призракомъ или обманомъ, чѣмъ реальною дѣйствительностію. Еще Гераклитъ постоянно оплакивалъ вѣчное теченіе вещей. Платонъ смотрѣлъ на міръ, какъ всегда бывающее, но никогда не сущее; наконецъ, древняя мудрость индійцевъ говоритъ: „существуетъ Майя, покрывало обмана, которое закрываетъ глаза смертнымъ и позволяетъ имъ видѣть міръ, о которомъ нельзя сказать ни того, что онъ существуетъ, ни того, что онъ не существуетъ, потому что онъ подобенъ сну, подобенъ солнечному блеску на пескѣ, который издали странникъ принимаетъ за воду, или—брошенной веревкѣ, которую онъ считаетъ змѣею“. Въ жизни человѣческой отъ колыбели до могилы существуетъ горькое противорѣчіе между назначеніемъ, которое намъ опредѣляетъ природа, и судьбою которую намъ доставляетъ дѣйствительность. Отсюда,—вѣчное недовольство настоящимъ, отсюда—постоянное стремленіе въ луч-

шему будущему. Сиракузскій тиранъ Діонисій узналъ, что одинъ изъ его любимцевъ Дамоклъ почиталъ его очень счастливымъ. Чтобы привести своего любимца къ болѣе вѣрной оцѣнкѣ счастья, онъ посадилъ его за обильное роскошное пиръство, но повѣсилъ мечъ, державшійся на тонкой ниткѣ надъ головою со-трапезника. Этотъ Дамокловъ мечъ есть истинный и ужасный образъ смерти, всегда висящій надъ головою всѣхъ людей. Земныя радости никогда не могутъ насъ удовлетворить, потому что мы всегда требуемъ отъ нихъ того, чего онѣ не могутъ намъ дать. Въ этомъ случаѣ является незамѣнимыя слова Спасителя: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою васъ“ (Мѡ. XI, 28).

Чѣмъ же, спрашивается, Иисусъ Христосъ можетъ успокоить всѣхъ труждающихся и обремененныхъ въ этой жизни? Отвѣтъ: вѣрою въ загробную жизнь. Иисусъ Христосъ Евангелиемъ разрушилъ смерть и наглядно показавъ намъ жизнь и безсмертіе (2 Тим. I, 10). Правда, человекъ отъ природы одаренъ стремленіемъ къ усовершенствованію и онъ всегда ищетъ идеала. Неудивительно поэтому, что мысль о загробной жизни лежитъ въ основаніи почти всѣхъ религій, хотя и выражается часто въ самой грубой антропоморфической формѣ. Но что же новаго въ такомъ случаѣ даетъ человечеству христіанская религія? Она санкционируетъ эту мысль фактомъ воскресенія самаго Иисуса Христа и притомъ такъ, что все христіанское міровоззрѣніе связано самымъ неразрывнымъ образомъ съ понятіемъ о вѣчной жизни. Вѣчная жизнь—это основаніе, на которомъ возвышается все христіанское аданіе. „Мы, говоритъ апостолъ Павелъ Коринѳянамъ, оказались бы лжесвидѣтелями о Богѣ, потому что свидѣтельствовали-бы о Богѣ, что Онъ воскресилъ Христа, котораго Онъ не воскресилъ, если то-есть мертвые не воскресаютъ... Если Христосъ не воскресъ, и проповѣдь наша тщетна, тщетна и вѣра наша... Поэтому и умершіе во Христа погибли, и если мы въ сей только жизни надѣемся на Христа, то мы несчастіе всѣхъ человекъ“... Отсюда понятно, чѣмъ можетъ успокоить Христосъ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ въ этой жизни, приходящихъ къ Нему за утѣшеніемъ, и чѣмъ Онъ можетъ урегулировать ихъ нравственную жизнь и дѣятельность... Итакъ Иисусъ Христосъ имѣетъ значеніе для всего рода человеческого

какъ Учитель, Утѣшитель, Испытатель, Законодатель и Господь. Все лучшее, что только мы знаемъ, мы всецѣло получили отъ Него одного!..

Г Л А В А II.

Отношеніе Ісуса Христа къ невѣрующему иудейству.

„Я посланъ, говорить Христосъ, къ погибшимъ овцамъ дома Израилева“. Одного этого выраженія достаточно для того, чтобы представить себя, въ какомъ отношеніи находился Ісусъ Христосъ къ современному Ему иудейству. Обывавшій прародителямъ и патриархамъ, предвозвѣщенный вновь сонмомъ пророковъ, рожденный сверхъестественнымъ образомъ, по особому сверхъестественному обыванію, Ісусъ Христосъ, по свидѣтельству Евангелія, все силы употреблялъ къ тому, чтобы просвѣтить затемненное сознаніе іудеевъ и такимъ образомъ сдѣлать ихъ наследниками обывавшаго имъ царствія Божія. Чтобы не оттолкнуть отъ себя іудеевъ Ісусъ Христосъ является прежде всего самъ іудеемъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: Онъ съ точностію исполняетъ всегда не только требованія ветхозавѣтнаго закона, но и требованія благочестивыхъ обычаевъ. Онъ ежегодно ходитъ въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи, посѣщаетъ синагоги, совершаетъ пасхальныя вечера, какъ истинный іудей, по закону Моисея, въ восьмой день нареченный именемъ и обрѣзанный...

Въ первое время все поведимому благопріятствовало Его служенію. Его слушаютъ съ энтузіазмомъ, за Нимъ слѣдуютъ по одному Его слову. Довольно было Андрею провести съ Нимъ день, чтобы не оставить Его; довольно было сказать нѣсколько словъ Наеванангу, чтобы тотъ исповѣдалъ Его Сыномъ Божиимъ, царемъ Израилевымъ. Правда, ученые фарисеи и іудейскіе начальники свысока смотрѣли на проповѣдь назаретскаго плотника, но и на нихъ она производила свое магическое дѣйствіе. Такъ, одинъ ученый фарисей изъ начальниковъ іудейскихъ, бывшій членомъ синедриона и пользовавшійся въ Іерусалимѣ большимъ

уваженіемъ, обративъ вниманіе на Іисуса Христа, хотѣлъ узнать отъ Него самаго, въ чемъ заключалось Его ученіе; но не желая давать пищи злословію со стороны своихъ собратьевъ, этотъ фарисей пришелъ тайно ночью къ Спасителю. И Спаситель не оттолкнулъ этого человѣка, боявшагося уронить себя въ глазахъ общества своею бесѣдою съ простымъ и неученымъ назаретскимъ плотникомъ. Онъ принялъ его и даже велъ съ нимъ довольно продолжительную бесѣду. Еще поразительнѣе результаты бесѣды Іисуса Христа съ жителями города Сихаря,—самарянами. Несмотря на то, что „жидове не прикасаются самарянамъ“, жители Сихаря съ увлеченіемъ слушаютъ проповѣдь Іисуса, на котораго въ началѣ они естественно могли смотрѣть только какъ на іудея, и въ концѣ концовъ приходятъ даже къ тому убѣжденію, что ихъ проповѣдникъ дѣйствительно есть Спаситель міра. Такое магическое дѣйствіе проповѣди Іисуса Христа на Его слушателей Ренанъ хотѣлъ объяснить путемъ совершенно естественнымъ и ставитъ въ этомъ отношеніи Іисуса Христа на ряду съ Іоанномъ д'Аркъ, видя въ Его способѣ прівлеченія послѣдователей даже „невинную хитрость“, какою пользовалась и Іоанна д'Аркъ. Но подобное объясненіе не должно заслуживать серьезнаго вниманія уже по одному тому, что оно бросаетъ пятно на нравственный характеръ Іисуса.

Впрочемъ, если въ первое время проповѣдь Іисуса Христа іудеи принимали съ увлеченіемъ, то нельзя этого же сказать о дальнѣйшемъ времени. Усилія Іисуса Христа обратить на путь истинный іудеевъ почти всегда оставались безъ особеннаго успѣха. Въ этомъ случаѣ многознаменательны слова Іисуса Христа, произнесенныя Имъ незадолго до своей смерти при взглядѣ на городъ Іерусалимъ: „Іерусалимъ, Іерусалимъ, жабивающій пророковъ и камнями побивающій посланныхъ къ тебѣ! сколько разъ хотѣлъ Я собрать дѣтей твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья, и вы не захотѣли!“ А когда во время торжественнаго шествія Онъ приблизился къ городу (Іерусалиму), то, смотря на него, заплакавъ о немъ и сказавъ: о елибы и ты хотя въ сей твой день узналъ, что служить къ миру твоему! Но сіе сокрыто нынѣ отъ глазъ твоихъ“ (Лук. XIX, 41—42). Такія же исполнены глубокаго сожалѣнія слова были обращены Іисусомъ Христомъ и къ другимъ палестинскимъ го-